

Г. Дриш

Витализм

Его история и система

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 001
ББК 72
Г11

Г11 **Г. Дриш**
Витализм: Его история и система / Г. Дриш – М.: Книга по Требованию, 2016. –
280 с.

ISBN 978-5-458-47123-7

С дополнениями к русскому изданию автора и переводчика.

ISBN 978-5-458-47123-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рисовываются во все болѣе совершенной формѣ. Мнѣ кажется потому особенно важнымъ указать, что основныя понятія стараго витализма развивались въ сущности въ томъ же направленіи, въ которомъ приходится развиваться и новому витализму.

Измѣнились лишь наши критическія притязанія, и, конечно, совершенно несравнимъ по богатству съ прежнимъ нашъ фактическій матеріалъ. И именно это послѣднее обстоятельство и даетъ намъ возможность перейти къ дѣйствительнымъ доказательствамъ витализма.

Предисловіе переводчика.

Благодаря любезности автора, я могъ использовать при переводѣ многочисленныя примѣчанія и дополненія, написанныя имъ частью для вышедшаго въ 1911 г. итальянскаго перевода, частью же специально для предлагаемаго здѣсь.

Чтобы не нарушить мастерской и характерной для Дриша сжатости изложенія, я воздержался почти всецѣло отъ собственныхъ дополненій и примѣчаній, за исключеніемъ нѣсколькихъ поясненій, могущихъ оказаться полезными для русскаго читателя.

Но по желанію, высказанному Дришемъ, я вмѣсто перевода послѣдней главы оригинала, посвященной положенію энтелехіи въ общей научной системѣ, написалъ заново очеркъ, всецѣло основанный на его новѣйшихъ работахъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ.

Различные виды понятія цѣлесообразности.

Сущность витализма нерѣдко связываютъ съ выясненіемъ вопроса, насколько жизненные явленія могутъ быть названы «цѣлесообразными». Эта формулировка главной проблемы витализма однако неточна или даже невѣрна.

Проблемой является не самъ фактъ цѣлесообразности, но выясненіе того, является ли послѣдняя результатомъ *своеобразнаго сочетанія факторовъ*, которые сами по себѣ *извѣстны* намъ ужъ и изъ неорганическихъ наукъ, или, наоборотъ, обусловлена своей собственной, присущей только живому, закономерностью.

Что личныя жизненные явленія «цѣлесообразны», есть непреложный, не нуждающійся въ доказательствахъ фактъ, такъ какъ само понятіе «цѣлесообразности» возникаетъ въ насъ какъ подходящая формулировка для ряда нашихъ наблюденій жизни.

Въ обиходной рѣчи цѣлесообразными обыкновенно называются такіе поступки, которые, какъ показываетъ опытъ, приводятъ прямымъ или косвеннымъ путемъ къ опредѣленной *желаемой* цѣли.

Нерѣдко однако такой характеръ какого-либо поступка можетъ быть подверженъ сомнѣнію. Намъ приходится временами какъ бы «нащупывать» ведущій насъ къ цѣли путь, и въ этихъ случаяхъ лишь результатъ

поступка выясняетъ намъ цѣлесообразность того или иного пути. Результатъ такого опыта можетъ, конечно, быть использованъ въ дальнѣйшемъ для точнаго опредѣленія «цѣлесообразнаго», если тѣ же обстоятельства повторятся еще разъ.

Основнымъ, исходнымъ мѣриломъ цѣлесообразности поступка является мое личное, субъективное отношеніе къ нему. Я знаю, въ какомъ случаѣ мои поступки заслуживаютъ названія цѣлесообразныхъ, такъ какъ мнѣ извѣстны мои намѣренія и цѣли. Это служитъ моей точкой отправленія.

Аналогичная оцѣнка поступковъ другихъ людей возможна лишь въ томъ случаѣ, если я «понимаю» ихъ цѣль, другими словами, если я могу представить себя на ихъ мѣстѣ и оцѣнить ихъ поступки съ этой воображаемой точки зрѣнія.

Примѣненіе понятія «цѣлесообразности» не ограничивается однако въ дѣйствительности сужденіемъ о поступкахъ другихъ людей; я распространяю его въ двойномъ смыслѣ, и результатомъ этого расширеннаго употребленія является примѣненіе термина цѣлесообразности къ любому біологическому объекту; въ немъ же коренится и сама основная проблема біологіи.

Я называю цѣлесообразными многія движенія высшихъ животныхъ, носящія несомнѣнный характеръ «поступковъ». Тотъ же терминъ приходится примѣнить и къ тѣмъ видамъ движеній, которыя по своей монотонности и отсутствію гибкости не могутъ называться поступками: это такъ называемые «инстинкты», «рефлексы», и т. д. Отъ нихъ лишь одинъ шагъ до движеній растений (напр., къ свѣту или отъ свѣта). Примѣнивъ же понятіе «цѣлесообразности» къ этимъ послѣднимъ, мы совершенно естественно подходимъ съ той же оцѣнкой и къ движеніямъ роста, благодаря которымъ въ вполнѣ опредѣленной послѣдовательности изъ зародышей развиваются типичные растительные и животные организмы.

. Въ результатѣ оказывается, что всѣ процессы въ живыхъ существахъ, которые такъ или иначе приводятъ къ состоянію, которое можетъ быть обозначено въ томъ или другомъ смыслѣ какъ «цѣль», подходятъ въ *чисто описательномъ* смыслѣ слова подъ понятіе «цѣлесообразности».

Такая оцѣнка какого-либо происшествія едва ли можетъ притязать на полную объективность, такъ какъ наше сужденіе будетъ всегда основано на аналогіи. Но это вовсе не является существеннымъ для нашей непосредственной цѣли, которая заключается лишь въ томъ, чтобы въ самыхъ общихъ чертахъ охарактеризовать значеніе и смыслъ разбираемыхъ процессовъ.

Мы сказали, что, назвавши какой-нибудь процессъ цѣлесообразнымъ, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ существованіе какой-либо цѣли, къ которой онъ приводитъ. Этимъ самымъ мы съ одной стороны, сдѣлаемъ возможнымъ примѣненіе термина цѣлесообразности къ обширному классу явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ограничиваемъ его предѣлы міромъ органическаго, по крайней мѣрѣ, поскольку мы имѣемъ въ виду лишь естественныя тѣла, а не искусственныя созданія человѣческихъ рукъ. То болѣе или менѣе произвольное представленіе цѣли, о которомъ покамѣстъ шла рѣчь, мыслимо лишь въ примѣненіи къ организмамъ ¹⁾. Это вытекаетъ не только изъ того, что понятіе цѣлесообразности примѣнимо лишь къ образованіямъ, въ которыхъ сложныя и разнообразныя составныя части подчинены типичному цѣлому, но еще и изъ дальнѣйшаго, не менѣе важнаго обстоятельства: представленіе объ опредѣленной цѣли въ особенности упорно навязывается въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ какое-либо, *состоящее изъ сложныхъ сочетаній* явленіе повторяется въ своей *типичности*

¹⁾ Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ предстоитъ выяснитъ, насколько понятіе цѣлесообразности въ различныхъ его отбѣнкахъ примѣнимо къ процессамъ кристаллизаціи.

много или даже неограниченное число разъ. Послѣдній постулатъ осуществимъ, конечно, (если оставить въ сторонѣ кристаллы, ср. примѣченіе), лишь въ организованныхъ естественныхъ тѣлахъ.

Мы примѣняемъ такимъ образомъ понятіе «цѣлесообразности» въ чисто описательномъ смыслѣ слова къ многочисленнымъ біологическимъ процессамъ.

Тотъ же терминъ примѣнимъ однако и къ извѣстному классу неорганическихъ тѣлъ, которыя однако не являются «естественными» тѣлами, если понятіе «естественный» употреблять въ общепринятомъ, хотя и не строго критическомъ смыслѣ слова. Мы имѣемъ въ виду процессы, совершающіеся въ *созданныхъ человеческой рукой «искусственныхъ» тѣлахъ*.

Къ этой области и относится то расширительное примѣненіе термина «цѣлесообразности», о которомъ мы упоминали раньше, и здѣсь именно мы и наталкиваемся на исходный пунктъ для постановки основной проблемы біологій.

Мнѣ кажется, что примѣнять терминъ «цѣлесообразный» къ «машинамъ», какъ *предметамъ*, врядъ ли резонно.

Понятіе это въ чисто описательномъ смыслѣ умѣстно лишь въ примѣненіи къ *процессамъ*; но каждый процессъ въ любой машинѣ является дѣйствительно цѣлесообразнымъ.

Машину, взятую какъ цѣлое, скорѣе всего можно назвать «практичной», она является результатомъ цѣлесообразной человѣческой дѣятельности, и въ отличіе отъ другихъ продуктовъ человѣческаго творчества, какъ, напр., произведеній искусства, предназначена *для* какихъ-либо процессовъ.

Такимъ образомъ и въ неорганическихъ предметахъ, специально приготовленныхъ человѣкомъ, мы констатируемъ процессы, заслуживающіе названіе «цѣлесообразныхъ». Не трудно уяснить себѣ, что цѣлесообразность cadaго отдѣльнаго процесса въ машинѣ осу-

ществляется лишь благодаря совершенно определенному сочетанию всѣхъ ея составныхъ частей; другими словами: каждый единичный процессъ въ машинѣ цѣлесообразенъ лишь постольку, поскольку онъ является звеномъ въ болѣе сложномъ цѣломъ, да и возможенъ онъ лишь на основѣ определенной структуры или архитектуры цѣлаго.

Мы подходимъ, благодаря предшествующимъ соображеніямъ, къ тому вопросу, который мы обозначили выше, какъ основную проблему біологіи. Предъ нами встаетъ вопросъ принципиальнаго значенія:

Зависитъ ли цѣлесообразность процессовъ въ организмахъ только отъ ихъ определенной структуры или архитектуры, отъ ихъ «машиннаго характера» въ самомъ широкомъ смыслѣ слова «машина», подобно тому, какъ цѣлесообразны процессы въ созданныхъ рукой человека машинахъ; или лежитъ въ основѣ органической жизни особенный видъ цѣлесообразности?

Мы видимъ: лишь теперь намъ предстоитъ высказаться относительно истинной сущности законмѣрности біологическихъ процессовъ, до сихъ поръ же мы довольствовались чисто внѣшней, поверхностной формулировкой ихъ, основываясь главнымъ образомъ на аналогіяхъ.

Необходимо разъ навсегда выяснить себѣ, что охарактеризовавъ какой-либо процессъ, какъ цѣлесообразный, констатируя его «телеологичность», мы не идемъ еще дальше простого описанія объекта наблюденія. Мы будемъ поэтому обозначать на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи нашего изложенія, простое утвержденіе цѣлесообразности какого-либо процесса—*описательной телеологіей* его. При этомъ остается еще открытымъ самый существенный вопросъ: представляются ли жизненные явленія для насъ «цѣлесообразными» только потому, что они являются частями одного составного цѣлаго, какъ бы определенной машины, а въ

сущности, сами по себѣ ничѣмъ не отличны отъ объективныхъ физическихъ и химическихъ процессовъ, или же, наоборотъ, мы должны признать для жизненныхъ явленій особенную, присущую лишь имъ и не расчленяемую закономѣрность, результатомъ которой и является ихъ «цѣлесообразность».

Для первой возможности мы вводимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи терминъ *статической*, для второй—*динамической* телеологіи.

Статическая телеологія приводитъ насъ къ «*машинной теоріи организмовъ*». Жизненные проявленія являются съ этой точки зрѣнія во всей своей полнотѣ лишь результатомъ спеціальнаго сочетанія тѣхъ же общихъ закономѣрностей, которыя обуславливаютъ и всѣ другіе процессы и самъ общій порядокъ во вселенной.

Мы должны признать при этомъ, какъ данное, что природа элементовъ вселенной такова, что при извѣстной опредѣленной констелляціи ихъ, получается то, что мы называемъ «*жизнью*». Жизнь является съ точки зрѣнія «машинной теоріи» лишь одной спеціальной комбинаціей *общихъ* закономѣрностей, а не проявленіемъ своей собственной, отличной отъ другихъ.

Вопросъ о *происхожденіи* даннаго намъ общаго строя закономѣрности неразрѣшимъ, такъ какъ представленіе о «сотвореніи» недопустимо съ натурфилософской точки зрѣнія. Но именно это послѣднее обстоятельство и указываетъ на то, что «жизненная машина», едва ли безъ дальнѣйшаго сравнима съ нашими техническими машинами, происхожденіе которыхъ намъ извѣстно; при этомъ намъ безразлично, совпадаетъ ли въ томъ и другомъ случаѣ характеръ «цѣлесообразности» или нѣтъ.

Точка зрѣнія «динамической телеологіи» приводитъ обыкновенно къ такъ называемому «*витализму*», она открываетъ намъ глаза на «*автономію жизненныхъ явленій*».

Которая изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія на сущность

жизненныхъ явленій правильна, отъ которой изъ нихъ мы должны отказаться?

Цѣлью и содержаніемъ нашей книги и является какъ выясненіе того, какъ рѣшали эту проблему въ прежнія времена, такъ и изложеніе нашей собственной точки зрѣнія на нее. Предлагаемое же здѣсь введеніе должно было посвятить читателя въ сущность проблемы и подготовить его къ дальнѣйшему ея анализу.

Мы можемъ разсматривать достигнутые нами пока-мѣстъ результаты, а именно, разъясненіе различнаго характера и содержанія статической и динамической телеологіи, до извѣстной степени, какъ реактивъ, какъ средство при помощи котораго возможно проанализировать любую исторически данную намъ группу воззрѣній или теорій и выяснить ея истинное содержаніе даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ самъ авторъ, говоря о цѣлесообразности, не проводилъ никакой грани между чисто описательнымъ употребленіемъ этого понятія, между телеологіей въ статическомъ и динамическомъ смыслѣ.

Мы сочли поэтому необходимымъ предпослать предшествующій логическій анализъ понятія цѣлесообразности историческому изложенію нашего предмета. Достигнутые нами результаты носятъ, однако, лишь чисто предварительный характеръ и вовсе не являются нашимъ послѣднимъ словомъ въ дѣлѣ выясненія понятія «цѣлесообразности».

Обращаясь къ изученію развитія витализма въ прежнія эпохи, мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть, что нашей главной задачей является не столько изложеніе взглядовъ и ученій отдѣльныхъ авторовъ и выдѣленіе значенія ихъ, сколько выясненіе главныхъ теченій, такъ сказать, типовъ виталистическихъ ученій.

Мы не задаемся цѣлью дать полную исторію витализма; для насъ гораздо важнѣе дать понятіе объ отдѣльныхъ, особенно типичныхъ этапахъ мысли въ интересующей насъ области.

Несмотря на наше стремленіе дать не столько исторически полную, сколько логически строгую картину развитія виталистическихъ ученій, результаты наши остаются далеко позади того, что удалось аналогичнымъ путемъ достигнуть въ другихъ областяхъ, спеціально въ извѣстныхъ историческихъ изложеніяхъ механики и теоріи теплоты.

Несовершенство системы изложенія коренится однако въ самомъ объектѣ изслѣдованія, т.-е. въ его особенностяхъ.

Механика, по существу своему, наука апріорнаго, т.-е. «очевиднаго» характера и почти то же самое можно сказать и относительно многихъ отдѣловъ физики, спеціально относительно термодинамики. Каждое открытіе является здѣсь, строго говоря, лишь самоуясненіемъ, открытія же случайнаго характера, которыя могли бы существеннымъ образомъ измѣнить ходъ развитія теоретической мысли, здѣсь едва ли могутъ сыграть замѣтную роль.

Въ совершенно другомъ положеніи находится біологія: ея успѣхи въ очень значительной степени зависятъ отъ случайностей, отъ «открытій» въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и если и нельзя утверждать, что вся исторія біологіи составлена изъ случайныхъ эпизодовъ, то во всякомъ случаѣ они могутъ въ очень замѣтной степени замаскировать ясность логическаго развитія творческой мысли въ этой области.